

Уилла Кэсер

О пионеры!

Москва
2025

УДК 821.111(73)
ББК 84(4Сое)6-44
К98

Перевод с английского Татьяны Боровиковой

Кэсер, У.

К98 О пионеры! / У. Кэсер ; [пер. с англ. Т. Боровикова]. — М. : Эвербук/Дом историй, 2025. — 320 с. — (Антресоли: классика высшего уровня).

ISBN 978-5-0058-0873-8

Уилла Кэсер — классик американской литературы, лауреат множества наград, среди которых Пулитцеровская премия (1923) и Prix Femina Americain (1933).

После смерти отца, иммигранта из Швеции, Александра Бергсон получает в наследство ферму в штате Небраска. Впереди ее ждет множество неприятностей — нехватка денег, гибель скота, неурожайные годы, — но Александра готова на все, чтобы привести семейное дело к процветанию. В это нелегкое время, когда многие соседи сдаются и покидают ставшие родными края, она сталкивается с необходимостью сделать выбор между личным счастьем и долгом.

«О пионеры!» — большой американский роман о судьбоносных переменях, поиске своего места в мире и выборе между «старым» и «новым». Книга открывает «Небраскскую трилогию» о Великих равнинах.

УДК 821.111(73)
ББК 84(4Сое)6-44

© Боровикова Т., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Эвербук», Издательство «Дом историй»,
2025

© Макет, верстка. ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2025

ISBN 978-5-0058-0873-8

*...к тем нивам колосистым
С пшеницей золотою,
да с житом серебристым...*

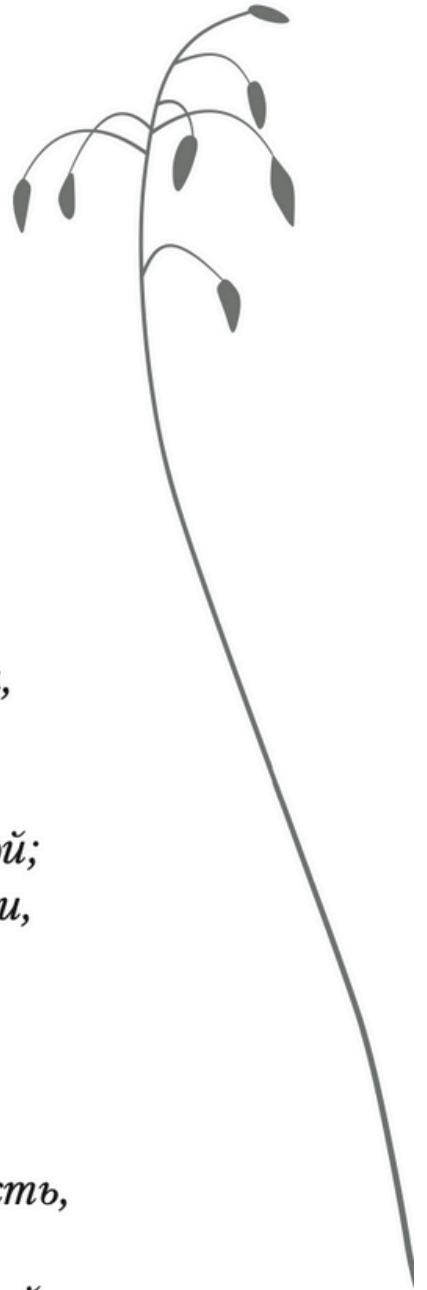
Адам Мицкевич¹

¹ Из поэмы «Пан Тадеуш» (1834). Цитируется по переводу Л. И. Пальмина. — *Здесь и далее — прим. пер.*

*Памяти Сары Орн Джуэтт,
в чьих прекрасных и изысканных
творениях есть совершенство,
пребывающее вовеки*

ВЕСНА ПРЕРИЙ

*Вечер и равнина плодородная,
Сумрачная, вечно безмолвная;
Мили свежевспаханной земли,
Тяжелой, черной, сильной и суровой;
Растет пшеница, растут сорняки,
Трудятся кони, люди устали;
Длинные, пустынные дороги,
Угрюмо угасают огни заката,
Вечное, безответное небо.
Наперекор всему этому — Юность,
Пылающая, как дикие розы,
Поющая, как жаворонки над пашней,
Сверкающая, как звезда в потемках;
Юность невыносимо сладостная,
Яростно рвущаяся,
Остро желающая,
Поющая и поющая
Из уст молчания,
Из земных сумерек.*

ЧАСТЬ I

Дикая земля

I

Однажды в январе, тридцать лет назад, маленький городок Ганновер на ветреном плато посреди штата Небраска изо всех сил цеплялся за землю, чтобы его не сдуло. Мелкая снежная пыль завихрялась вокруг скопления низких, невзрачных домов, прижавшихся к серой прерии под серым небом. Жилые дома были разбросаны как попало на жестком дерне; одни, казалось, перенеслись сюда в одночасье откуда-то еще, а другие словно сами брели прочь, напрямик в открытую прерию. Ни один из них не выглядел постоянным жилищем, и воющий ветер задувал как над ними, так и под ними. Главной улицей служила изрезанная глубокими колеями дорога, сейчас замерзшая до твердости, идущая от приземистой красной

железнодорожной станции и зернового элеватора на северном конце города к лесному складу и лошадиному пруду на южном. По сторонам дороги тянулись два неровных ряда деревянных построек: лавки с разными товарами, два банка, аптека, магазин кормов, салун, почта. Дощатые тротуары серели от утоптанного снега, но в два часа пополудни лавочники, вернувшиеся с обеда, держались подальше от заиндевелых окон. Дети все были в школе, и на улицах попадались лишь редкие, неотесанные с виду деревенские жители в грубых пальто, в длинных шапках, нахлобученных до самого носа. Некоторые приехали в город с женами, и время от времени красная или клетчатая шаль мелькала, спеша из одной лавки в другую, чтобы поскорее спрятаться от холода. У коновязей вдоль улицы ломовые лошади, запряженные в фермерские телеги, дрожали под попонами. На станции все было тихо: следующий поезд ожидался только ночью.

На тротуаре перед лавкой сидел маленький мальчик-швед и горько плакал. Ему было лет пять. В черном суконном пальто не по росту он походил на маленького старичка. Между подолом застиранного, выцветшего бурого фланелевого платьяца и верхом неуклюжих ботинок

с медными носками виднелась значительная часть ноги в чулке. Шапка была натянута на уши; нос и пухлые щеки обветрились и покраснели от холода. Мальчик плакал тихо, и редкие прохожие, спеша мимо, не замечали его. Он боялся остановить кого-нибудь или войти в лавку попросить помощи, и только сидел, заламывая руки в длинных рукавах, глядя снизу вверх на телеграфный столб и всхлипывая: «Кошечка, моя кошечка! Ох, она замелзнет!»

На вершине деревянного столба дрожала молодая серая кошка, слабо мяукая и отчаянно цепляясь когтями. Сестра оставила мальчика у лавки, пока ходила беседовать с доктором, а тем временем собака загнала кошечку на столб. Малышка впервые в жизни забралась так высоко и от испуга не могла двинуться с места. Ее хозяин был в отчаянии. Маленькому мальчику с фермы городок казался очень странным местом и сбивал с толку: у здешних жителей была красивая одежда и жестокие сердца. Здесь мальчик всегда чувствовал себя застенчивым и неловким и все время хотел спрятаться, боясь чужих насмешек. Но сейчас он так горевал, что ему было все равно — пускай смеются. Наконец, похоже, забрезжил луч надежды: появилась сестра, и мальчик поднялся и кое-как побежал

к ней, с трудом переставляя ноги в тяжелых ботинках.

Сестра, Александра, высокая сильная девушка, шагала быстро и решительно, словно точно знала, куда идет и что собирается делать дальше. На ней было длинное мужское пальто (и она несла его не как бремя, а как будто оно очень удобно и принадлежит ей; мужественно, как молодой солдат) и круглая плюшевая шапочка, обвязанная сверху толстым шарфом. У девушки было серьезное, задумчивое лицо; ясные, глубокие синие глаза пристально смотрели вдаль, казалось, ничего не видя, словно у нее камень лежал на сердце. Она не замечала мальчика, пока он не потянул ее за пальто. Тогда она мигом остановилась и наклонилась вытереть его мокрое лицо:

— Ну Эмиль! Я же велела тебе оставаться в лавке и не выходить. Что случилось?

— Моя кошечка, моя кошечка! Ее выгнали из лавки, а собака загнала туда, навелх. — Мальчик показал пальцем, торчащим из рукава пальто, на несчастное маленькое создание на столбе.

— Ох, Эмиль! Я же говорила, что у нас будут неприятности, если ты возьмешь ее с собой! Зачем ты так клянчил? Впрочем, я сама виновата, пошла у тебя на поводу. — Девушка приблизилась

к подножию столба и протянула руки, зовя: — Кис, кис, кис!

Но кошка только мяукнула и слабо дернула хвостом. Александра решительно отвернулась:

— Нет, она не спустится. Кто-нибудь должен слазить за ней. Я видела в городе повозку Линструмов. Пойду поищу Карла. Может быть, он что-нибудь сделает. Только перестань плакать, иначе я шагу не ступлю. Где твоя шапка? Оставил в лавке? Ладно, неважно. Постой смирно, я тебя завяжу вот этим.

Она сняла с себя коричневый шарф и обмотала брату шею. Щуплый потрепанный коммивояжер, как раз шедший мимо, из лавки в салун, остановился и тупо уставился на сияющую массу волос, которую раньше прятал шарф: шапочка не скрывала две толстые косы, заколотые вокруг головы на немецкий манер, и бахрому рыжевато-желтых кудряшек. Коммивояжер вынул изо рта пожеванную сигару и зажал ее между пальцами шерстяной перчатки. «Боже, барышня, какие волосы!» — воскликнул он совершенно невинно и глупо. Девушка пронзила его амазонски свирепым взглядом и поджала нижнюю губу — совершенно излишняя суровость. Это так ошеломило маленького торговца

одеждой, что он даже уронил сигару на тротуар и нетвердо побрел прямо в пасть ветру, в салун. Рука все еще дрожала, когда он брал стакан у бармена. Слабые бессознательные поползновения коммивояжера на флирт и раньше подавлялись, но впервые — так жестко. Он чувствовал себя дешевкой, жертвой несправедливости и чужого коварства. Коммивояжер колесит по унылым городкам из конца в конец страны, в грязных прокуренных вагонах, ползущих по снежным пустыням; можно ли его винить, если при виде прекрасного человеческого существа ему вдруг захотелось стать мужчиной?

Пока маленький коммивояжер лечил нервы алкоголем, Александра поспешила в аптеку, где вероятнее всего можно было найти Карла Линструма. И впрямь, он оказался там: перелистывал альбом хромолитографических «этюдов», которые аптекарь продавал ганноверским женщинам, занимавшимся росписью по фарфору. Александра объяснила свое затруднительное положение, и юноша последовал за ней на угол, где Эмиль все так же сидел у столба.

— Придется слазить за ней. Думаю, на станции найдутся «кошки», привязать к ногам. Подожди минутку.

Карл — высокий пятнадцатилетний юноша, худощавый и узкогрудый — сунул руки в карманы, опустил голову и ринулся вверх по улице, бросая вызов северному ветру. Когда Карл вернулся с «кошками», Александра спросила, куда он дел свое пальто.

— Оставил в аптеке. Все равно не смог бы в нем лезть. Эмиль, лови меня, если упаду! — крикнул он, начиная подъем.

Александра с тревогой наблюдала за ним: холодно было даже на земле, что уж говорить про верхотуру. Котенок не сдвинулся ни на дюйм. Карл был вынужден подняться на самый верх столба и не враз умудрился отцепить животное от опоры. Спустившись, он вручил кошку заплаканному маленькому хозяину.

— Теперь иди с ней в лавку, Эмиль, и согрейся. — Карл открыл дверь для мальчика. — Александра, погоди. Давай я сяду к тебе возницей до нашего дома? А то холодает с каждой минутой. Ты повидала доктора?

— Да. Он приедет завтра. Но он говорит, что отец не поправится, не выздоровеет.

Губа девушки задрожала. Александра пристально смотрела вдаль по унылой улице, словно собирая силы для прихода чего-то неизбежного: каким бы болезненным оно ни было, его

нужно встретить и как-то с ним справиться. Ветер трепал полы ее тяжелого пальто.

Карл ничего не ответил, но она знала, что он ей сочувствует. Он тоже одинок. Карл был худой, хрупкий мальчик с задумчивыми темными глазами и очень плавными движениями. Худощавое лицо деликатно-бледно, рот — слишком чувствительный для мальчика. Губы уже приобрели легкий изгиб, горький и скептический. Друзья простояли несколько мгновений на продуваемом всеми ветрами углу улицы, не произнося ни слова; так два путешественника, потерявшие дорогу, порой замирают на месте, молча признавая, что заблудились. Наконец Карл двинулся прочь со словами:

— Пойду обихожу твою упряжку.

Александра пошла в лавку, чтобы сложить покупки в ящики из-под яиц и согреться перед долгой холодной поездкой.

Она поискала Эмиля и нашла: он сидел на ступеньке лестницы, ведущей на второй этаж, в отдел одежды и ковров, и играл с маленькой девочкой-чешкой Марией Товески. Та уже повязала кошечке на голову свой платочек наподобие чепца. Чужая в этих краях, Мария приехала с матерью из Омахи навестить дядю, Джо Товески. Она была смуглянка с темными кудрявыми

волосами, как у брюнетки-куклы, маленьким красным ротиком и круглыми желто-кариими глазами. Они были ее самой броской чертой: золотистые искорки в карей радужке придавали им сходство с минералом авантюрином или, при более мягком освещении, с колорадским камнем, называемым «тигровый глаз».

Здесь, в захолустье, дети носили платья длиной до верха ботинок, но городская девочка была одета, как это называли тогда, в стиле Кейт Гринуэй¹: красное кашемировое платье, пышно присборенное от кокетки, доходило почти до пола. Оно вместе с капором придавало девочке причудливый вид маленькой женщины. На шее у нее была белая меховая горжетка, которую Эмиль с восхищением гладил; Мария не возражала. Александра не нашла в себе сил оторвать брата от такой красивой подружки по играм и позволила им вместе дразнить котенка. Тут, шумно топая, вошел Джо Товески, поднял маленькую племянницу и посадил себе на плечо, на всеобщее обозрение. Все его дети были

¹ Кэтрин (Кейт) Гринуэй (1846–1901) — английская художница и писательница Викторианской эпохи, известная своими иллюстрациями к детским книгам. Рисунки ее работы, изображающие детей в выдуманных костюмах в стиле королевы Анны (XVIII век), были чрезвычайно популярны в Англии и других странах.